

ЛЕНИНГРАДСКАЯ ВЯЗЬ

Книга 22

Лицейская муза

Мурат Карадениз

Ленинградская вязь

Мурат Карадениз

Лицейская муза

«Автор»

2026

Карадениз М.

Лицейская муза / М. Карадениз — «Автор»,
2026 — (Ленинградская вязь)

Ленинград, 1943 год. Капитан НКВД Алексей Ухтомский получает задание найти шкатулку «Лицейская муза» — реликвию, которую Пушкин спрятал в парке Царского Села в ночь перед выпуском из Лицея. Но шкатулка пуста. Кто-то опередил Алексея. В погоне за альманахом — немецкий офицер «Аненэрбе» и собственное начальство, готовое уничтожить следы. Алексею остаётся только одно: понять, что именно спрятал Пушкин, прежде чем это сделают враги. В наши дни правнучка Алексея, Анна, находит его дневник. Чем глубже она копает, тем яснее: за тайной охотились десятилетиями, и те, кто убивал, чтобы она не всплыла, всё ещё рядом. Ей предстоит расшифровать шахматный шифр Пушкина и Пущина и пройти по следу из блокадного Ленинграда в XXI век. Вопрос только в том, кто окажется быстрее. Исторический триллер с детективной линией в наши дни. Каждая книга — отдельное расследование. Можно начинать с любой.

© Карадениз М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ДИСКЛЕЙМЕР	5
ПРОЛОГ. «ТЕНЬ У ДУБА»	6
ЧАСТЬ I. «ПРОЩАНИЕ С ЛИЦЕЕМ»	9
ГЛАВА 1. «ПАПКА С ГРИФОМ "СЕКРЕТНО"»	9
ГЛАВА 2. «ЕКАТЕРИНИНСКИЙ ПАРК»	12
ГЛАВА 3. «ЧТО ИЩЕТ ШТОЛЬЦ?»	14
ГЛАВА 4. «ПОХОРОНЫ В ПАРКЕ»	17
ГЛАВА 5. «СВЯЗНОЙ ИЗ	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Мурат Карадениз

Лицейская муза

ДИСКЛЕЙМЕР

«Все персонажи и события являются вымышленными. Любые совпадения с реальными людьми, организациями и событиями случайны. Упоминания реальных организаций используются в художественном контексте и не отражают их реальную деятельность».

ПРОЛОГ. «ТЕНЬ У ДУБА»

Время: 9 июня 1817 года, 23:00

Место: Царское Село, Екатерининский парк, дуб у Большого пруда

Флэшбек | Александр Пушкин

Ночной парк дышал сыростью и холодом. Луна пряталась за тяжёлыми облаками, и только редкие просветы позволяли разглядеть аллеи, по которым Пушкин шёл уже четверть часа, то и дело оступаясь на мокрой траве. В руке он сжимал альманах — тёмно-зелёный сафьяновый переплёт, потёртый на углах, с вытисненным золотом вензелем «А.П.» и лавровой ветвью. «Лицейский мудрец» — шесть лет их общих стихов, эпиграмм, шуток и рисунков. Шесть лет, которые кончались сегодня.

Он остановился у края Большого пруда. Вода была чёрной, неподвижной, и в ней отражались редкие звёзды, пробивающиеся сквозь облака. Где-то вдалеке ухал филин. Пушкин поднял воротник шинели и пошёл дальше — к дубу, который возвышался чёрным великаном на пригорке. Он часто приходил сюда в лицейские годы — читал, думал, писал. Дуб стал его свидетелем, его молчаливым собеседником. Но сегодня он пришёл с лопатой, и это было совсем другое дело.

Он опустился на колени, положил альманах рядом и начал копать. Земля была влажной, податливой, но корни дуба уходили глубоко, и приходилось работать осторожно, чтобы не повредить их. Пальцы быстро замерзли, но он не останавливался. Он думал о Пущине, который сегодня утром сказал: «Ты не умеешь хранить тайны, Пушкин. Ты всё выплёскиваешь на бумагу». Пущин был прав. Именно поэтому альманах должен был уйти под землю. Не в библиотеку, не в руки цензоров, не в шкаф, где его могли найти любопытные глаза. Туда, где он будет ждать. Ждать того, кто поймёт.

Когда яма стала достаточно глубокой, Пушкин взял альманах в руки. Тёплый сафьян охлаждал пальцы. Он открыл его на последней странице, где сам написал сегодняшней ночью, сидя в беседке при свете свечи: *«Мы уходим, но наша дружба останется здесь. Тот, кто прочитает это, откроет не только книгу, но и судьбу России»*. Он перечитал эти строки и почувствовал, как в груди что-то сжалось. Он не был уверен, что делает правильно. Но он знал, что это должно быть сделано.

Он закрыл альманах, поцеловал переплёт, словно прощаясь с другом, и опустил его в яму. Земля была холодной, сырой, и когда он начал засыпать её, комья липли к пальцам. Он закапывал альманах медленно, будто оттягивая момент, когда всё будет кончено. Он утрамбовывал землю ногами, присыпал сухими листьями, чтобы не было заметно, и отступил на шаг. Дуб стоял над ним, раскинув ветви в ночное небо. *«Я оставляю тебя здесь, — подумал Пушкин. — Для тех, кто будет искать правду»*.

В этот момент он услышал шаги.

Земля под ногами была влажной и податливой. Пушкин резко обернулся, и сердце пропустило удар. В двадцати шагах стояла фигура в чёрном плаще. Лица не было видно — высокий воротник, надвинутый капюшон. Но в свете редкого лунного просвета блеснуло лезвие. Человек держал кинжал. И у его ног лежало тело.

Пушкин замер. Он не мог двинуться, не мог выдохнуть. Словно ледяные пальцы сжали его горло. Тело на снегу — мужчина в дорогом сюртуке, неестественно вывернутая рука, тёмное пятно, расплзающееся по белизне. Человек в плаще переступил через тело и сделал шаг к Пушкину. Потом ещё один. Он остановился в трёх шагах и посмотрел сверху вниз. Глаза блеснули из-под капюшона — холодные, внимательные, ничего не выражающие.

— Ты сделал правильный выбор, Александр Сергеевич. — Голос был низким, спокойным, без угрозы, без напряжения. Как будто он говорил о погоде. — Тайна должна ждать.

Он посмотрел на свежевскопанную землю у дуба, потом снова на Пушкина. Пушкин стоял неподвижно, и только его дыхание выдавало страх — частые облачка пара в холодном воздухе. Человек кивнул, словно удовлетворённый увиденным, и развернулся. Он исчез в темноте бесшумно, как тень, как призрак, растворился между деревьями — и через мгновение Пушкин остался один на один с мёртвым телом.

Он стоял на коленях у свежей могилы альманаха и смотрел на безжизненное тело. В груди колотилось так сильно, что он слышал собственный пульс в ушах. Он поднялся на дрожащих ногах и подошёл ближе. Мужчина — лет сорока, бледное лицо, тонкие черты. Дорогой сюртук, тонкие белые руки, на одной из которых — перстень. Пушкин наклонился и рассмотрел его: циркуль и угольник. Масонский знак. Этот человек был масоном.

Пушкин выпрямился. Он не знал этого мужчину. Но он знал, что кто-то убил его, чтобы он не рассказал о тайнике. Кто-то, кто знал, что Пушкин сегодня ночью придёт к дубу. Кто-то, кто следил за ним. Кто-то, кто готов был убивать, чтобы сохранить тайну.

Пушкин оглянулся. Вокруг было тихо. Только ветер шумел в кронах дуба, и где-то за прудом снова ухнул филин. Он постоял ещё мгновение, глядя на тело, и вдруг его пронзила мысль: *«А если этот человек шпионил за мной? Если он тоже знал о тайнике? Если он хотел его найти? И кто-то убил его, чтобы он не успел?»* Ответа не было. Только холод, тишина и мертвец у его ног.

Пушкин развернулся и побежал. Не к телу, не за убийцей, а в лицей. Он бежал по тёмным аллеям, задыхаясь от холода и страха, перепрыгивая через корни и камни. В голове билась одна мысль: тайна теперь не только его. Она принадлежит кому-то ещё. Тому, кто готов убивать, чтобы её сохранить. И он, Пушкин, теперь часть этого — часть игры, которую он не понимал.

В комнате он зажёл свечу. Руки дрожали так сильно, что он едва не уронил подсвечник. Он сел за стол, взял перо. Нужно было записать. Обязательно. Чтобы кто-то знал. Чтобы через много лет, если он умрёт, правда не умерла вместе с ним. На полях копии альманаха, которая осталась у него, он вывел размашистым, нервным почерком: *«Тот, кто прочитает это, откроет не только книгу, но и судьбу России. Но будьте осторожны — тайна охраняется»*.

Он перечитал написанное и вдруг осознал: он сам не знает, кто охраняет тайну. Он не знает, что это за человек с кинжалом. Не знает, кого тот убил. Не знает, почему. И он никогда не узнает, если не найдёт ответы. Но как их найти, если он даже не знает, с чего начать?

Он задул свечу и лёг, не раздеваясь. Всю ночь он ворочался, прислушиваясь к каждому звуку за дверью. Каждый скрип половицы заставлял его вскакивать, каждое дуновение ветра в щели казалось шагами. Всю ночь ему виделось, что человек в плаще стоит у его окна и ждёт. Но когда утром он открыл глаза, на столе лежала записка. Такая же, как та, что он нашёл сегодня. На белой бумаге, без подписи, те же слова: *«Ты сделал правильный выбор. Тайна должна ждать»*.

Пушкин взял её дрожащими пальцами. Почерк был незнакомым — чёткий, ровный, без наклона. Он перевернул бумагу — чисто. Он поднёс её к свече — без водяных знаков. Бумага была обычной, дешёвой, такой, какую можно купить в любой лавке. Ничего. Только слова. И тень, которая их написала.

Пушкин сжал записку в кулаке. Он знал, что должен её сжечь. Что она опасна. Что кто-то знает о его тайне и может прийти снова. Он подошёл к камину, разворошил золу, положил бумагу на угли. Она вспыхнула мгновенно — жёлтое пламя лизнуло её, свернула в пепел. Он стоял и смотрел, как огонь пожирает единственное доказательство того, что он не один хранит тайну.

Он выпрямился. На его лице не было страха — только твёрдая решимость. Он взял копию альманаха, открыл ящик стола, хотел положить туда. Но замер. На дне ящика лежала ещё одна записка. Он не клал её туда. Он не видел её раньше.

Пушкин достал бумагу дрожащими пальцами. Развернул. На ней был нарисован масонский знак — циркуль и угольник, те же, что на перстне убитого. И под ним — одна строка:

«Ты не один. Мы следим за тобой. Никому не говори. Или будешь следующим».

Пушкин перечитал трижды. Сердце колотилось где-то в горле. Кто оставил это? Когда? Он был в комнате всего несколько часов. Кто мог войти? Как?

Он поднёс записку к свече. Бумага вспыхнула, закрутилась чёрным пеплом, упала в камин. Пушкин смотрел, как она догорает, и чувствовал, что переступил невидимую черту. Тайна, которую он закопал, привела его туда, откуда нет возврата.

Он закрыл ящик стола, запер его на ключ. Ключ положил в карман. Вышел в коридор, повернулся к двери своей комнаты и прикоснулся пальцами к дереву. Прощание с Лицеем было прощанием с жизнью, которую он знал. Теперь он вступал в другую жизнь — ту, где кто-то следил за ним, где тайна стоила крови, и где он сам мог стать следующей жертвой.

Он пошёл по коридору, не оглядываясь. Но в конце коридора он остановился. Ему показалось, что из-за колонны за ним кто-то наблюдает. Он обернулся. Никого. Только тень от свечи. Но он знал — она была там. Она всегда будет там. Пока он жив. Пока жив тот, кто закопал тайну под дубом и увидел убийство, о котором никогда не расскажет. Потому что если он расскажет — следующим будет он.

Пушкин шагнул в утро своего последнего дня в Лицее. За его спиной оставалась ночь, в которой он навсегда изменился.

ЧАСТЬ I. «ПРОЩАНИЕ С ЛИЦЕЕМ»

ГЛАВА 1. «ПАПКА С ГРИФОМ "СЕКРЕТНО"»

Время: 14 июня 1943 года, 08:00

Место: Ленинград, Смольный, кабинет Алексея

Блокада | Алексей Ухтомский

Серый свет пробивался сквозь высокие окна кабинета, падал на письменный стол, заваленный бумагами, и на стопку папок, стоящую на краю. За окном — туман над Невой, и где-то далеко, со стороны Пулковских высот, доносились глухие разрывы — немцы снова обстреливали город. Алексей сидел в своём кресле уже час, но в кабинет никто не входил. Он ждал.

Он смотрел на папку, которая лежала перед ним — серая, с грифом «Секретно», с номером 22-А и сургучной печатью, которую он ещё не вскрыл. Её принесли этим утром, и он знал, что она из архива Соболева. Старый хранитель Эрмитажа не появлялся в Смольном последние три недели — говорили, он совсем плох, едва держится, но отказывается ложиться в госпиталь. «Я ещё нужен, — повторял он всем. — Я ещё не всё рассказал». Алексей взял папку, провёл пальцем по сургучу, но не стал ломать печать. Он ждал, когда Соболев придёт сам.

Дверь открылась. Соболев появился на пороге, и Алексей едва узнал его. Лицо — серое, запавшее, с тёмными кругами под глазами. Скулы проступали так остро, что кожа казалась натянутой на кости. Он похудел до предела, и его шинель висела на плечах, как на вешалке. Он вошёл, держась за косяк, и сделал несколько шагов, прежде чем Алексей вскочил и подхватил его под руку.

— Садись, — сказал Алексей, усаживая его на стул.

— Я ещё могу стоять, — ответил Соболев, но голос был хриплым, будто из последних сил. Он сел, выдохнул и посмотрел на папку. — Ты не вскрыл.

— Ждал тебя.

Соболев кивнул, достал из внутреннего кармана шинели небольшой ключ и протянул его Алексею:

— Открой. Там то, о чём я тебе говорил.

Алексей взял ключ и сломал печать. Открыл папку — внутри лежало несколько листов бумаги, исписанных мелким, убористым почерком. И фотография. Он вынул её, перевернул. На снимке была шкатулка — из карельской берёзы, инкрустированная серебром и янтарём, с вырезанным на крышке вензелем «А.П.» и лавровой ветвью. Шкатулка стояла на столе, рядом с ней лежала тонкая тетрадь в зелёном переплёте.

— «Лицейская муза», — сказал Соболев. — Так я её называю.

Алексей перевёл взгляд с фотографии на Соболева:

— Что это?

— Шкатулка. Артефакт, который лицейское братство Пушкина создавало шесть лет. Альманах «Лицейский мудрец» — стихи, эпиграммы, рисунки. Последняя глава — рукой Пушкина. Он написал её в ночь перед выпуском. Она о том, как лицейское братство навсегда останется в Екатерининском парке.

Алексей нахмурился:

— Ты рассказывал мне о ней в прошлом году. Тогда ты сказал, что шкатулка пропала.

— Она не пропала, — Соболев покачал головой. — Она у немцев. Её нашёл оберштурмфюрер Штольц в 1941 году, когда они вошли в Царское Село.

Алексей поднял глаза от фотографии. Имя было ему незнакомо, но он чувствовал, что оно не простое.

— Кто такой Штольц?

Соболев откинулся на спинку стула и закрыл глаза на мгновение, словно собираясь с силами. Когда он заговорил, голос его звучал глухо:

— Оберштурмфюрер Карл Хейнц Штольц. Искусствовед. Из «Аненэрбе». В сорок первом он приехал в Царское Село с особой миссией — изъятие культурных ценностей. Но он искал не всё подряд. Он искал именно лицейские реликвии.

— Почему?

— Потому что он знал, что в шкатулке есть не только альманах. Есть шифр. Шифр к тайнику, который Пушкин оставил в парке.

Алексей отложил фотографию и взял в руки листы с уборым почерком. Первые строки были подписаны: «Копия допроса оберштурмфюрера К.Х. Штольца. 1942 год». Он пробежал глазами по тексту, но Соболев остановил его жестом.

— Не сейчас, — сказал он. — Я скажу тебе главное. В шкатулке лежит альманах. Он — ключ к тайнику. А в тайнике — библиотека иезуитов, документы о масонских ложах России, которые они спрятали в Царском Селе в 1820-х годах. И золотой крест Елизаветы Алексеевны.

— Крест?

— Крест, который она передала лицеистам в знак благословения. Он огромной исторической ценности. Штольц ищет его. Он знает, что крест — ключ к более важным документам. Если он найдёт тайник, он вывезет всё в Германию. И документы, и крест.

Алексей положил фотографию на стол, провёл пальцем по краю:

— Где сейчас альманах?

Соболев помедлил:

— Я не знаю. Но я знаю, что у Штольца есть только пустая шкатулка. Кто-то вынул альманах в 1941 году и спрятал его.

— Кто?

— Этого я не знаю. Но я знаю, где искать. — Соболев протянул руку к папке и извлёк из неё карту — старую, пожелтевшую, с выцветшими чернилами. Он развернул её на столе. — Екатерининский парк. Карта 1817 года. На ней стоит пометка карандашом — у дуба у Большого пруда.

Алексей склонился над картой. На её полях, пожелтевших от времени, была нанесена тонкая линия, ведущая от дуба к разрушенному фонтану «Девушка с кувшином». И между ними — маленький крестик, поставленный красным карандашом. Он провёл пальцем по линии и поднял глаза на Соболева:

— Что там?

— Я не знаю. Но я думаю, что там есть ключ. Или сам альманах. Я не могу пойти, — Соболев качнул головой, и его бледные губы дрогнули в слабой улыбке. — Я слишком слаб. Ты должен пойти вместо меня. Найди альманах до Штольца. Если он найдёт его первым, тайна будет потеряна навсегда.

Алексей посмотрел на Соболева. Он знал этого человека уже три года, с тех пор как они встретились на первом задании по поиску ценностей. Соболев был честным, упёртым, одержимым, но никогда не лгал. И сейчас он смотрел на Алексея с мольбой, которая была сильнее его усталости и болезни.

— Ты уверен, что он ещё ищет?

— Уверен, — ответил Соболев. — Я знаю, что он получил новые сведения. Он будет там. В Царском Селе. Скоро.

Алексей кивнул. Он свернул карту, положил её в папку, взял фотографию шкатулки и листы с текстом, поднялся. Соболев попытался встать, но Алексей остановил его.

— Сиди. Я пойду один. Если что-то найду, я вернусь.

Соболев не спорил. Он только сжал руку Алексея, сухую и горячую, и прошептал:

— Найди его. Ради того, что мы храним. Ради Пушкина. Ради правды.

Алексей вышел из кабинета, оставив Соболева у стола. Коридор Смольного был пуст и тих, только далёкие шаги отдавались эхом. Он вышел на улицу — и остановился на лестнице. Над Невой стоял туман, густой и липкий, как вата. Он накрывал набережную, скрывал мосты, съедал горизонт. Где-то там, за этим туманом, был Царское Село и старый дуб у Большого пруда, где Пушкин закопал свою тайну больше века назад.

Алексей постоял мгновение, глядя на серую воду. Потом повернулся к Пулковским высотам, откуда доносились глухие разрывы. Он не знал, что найдёт в Екатерининском парке — альманах, крест или ещё одну загадку. Но он знал, что должен успеть. Штольц искал эту тайну два года. И если он найдёт её первым — она исчезнет навсегда.

Алексей сжал папку в руке и сделал шаг в туман. Он думал о Соболеве, который сидел сейчас в кабинете и ждал вестей. О Пушкине, который закопал альманах в ночи, чтобы кто-то когда-нибудь нашёл его. И о Штольце, который шёл по его следу, как охотник по следу зверя. *«Кто ты, Штольц? — подумал Алексей, ступая на мокрый асфальт набережной. — И что ищешь на самом деле?»*

Туман сгущался. Где-то за спиной, в окнах Смольного, зажглись тусклые огни. Алексей не обернулся.

ГЛАВА 2. «ЕКАТЕРИНИНСКИЙ ПАРК»

Время: 15 июня 1943 года, 10:00

Место: Ленинградская область, Царское Село, Екатерининский парк

Блокада | Алексей Ухтомский

Полуторка тряслась на ухабах, и каждый толчок отдавался в позвоночнике. Алексей сидел в кузове, держась за борт, и смотрел на проплывающие мимо поля — изрытые воронками, чёрные, с редкими островками нескошенной травы. Дорога на Царское Село была разбита до основания: асфальт вздыблен, местами сметён взрывами, и машина то и дело объезжала свежие воронки, оставленные ночными бомбардировками. По обочинам стояли сгоревшие дома, чёрные остовы, похожие на скелеты, и изредка попадались брошенные машины — ржавые, с выбитыми стёклами.

Шофёр, молодой парень в промасленной телогрейке, покосился на Алексея через зеркало заднего вида:

— Товарищ капитан, мы почти приехали. Только там, говорят, немцы шастают. Разведка.

— Знаю, — ответил Алексей. — Дальше я пешком.

Машина остановилась у развилки, где дорога раздваивалась — одна вела в сторону дворца, другая уходила в лес. Алексей выпрыгнул из кузова, поправил на плече автомат и кивнул шофёру:

— Жди здесь. Если через три часа не вернусь — уезжай.

— Есть, — ответил парень и заглушил мотор.

Алексей пошёл по лесной дороге, сжимая в кармане карту, которую дал Соболев. Воздух был влажным, пахло гарью и сырой землёй. Где-то вдалеке, со стороны Пулкова, слышалась редкая стрельба — то ли наши отбивали атаку, то ли немцы прочёсывали лес. Через полчаса он вышел к Екатерининскому парку и остановился, глядя на то, что осталось от дворца.

Екатерининский дворец стоял разрушенный, с проломленной крышей, с выбитыми окнами, с чёрными пятнами копоти на стенах. Колонны, когда-то белоснежные, теперь были обуглены и потрескались. Ветер гулял по пустым залам, и сквозь выбитые окна было видно небо. Когда-то здесь были балы, приёмы, императрицы и фавориты. Теперь — пустота, холод и запах тлена.

Алексей прошёл мимо дворца, не останавливаясь. Он шёл в парк. Дорожки заросли, деревья повалены, и местами пришлось пробираться через заросли крапивы и молодого клёна, который вырос за два года войны. Он сверялся с картой, находил ориентиры: старый фонтан, разрушенный павильон, аллея, которая вела к Большому пруду. И, наконец, он увидел его — старый дуб.

Дуб стоял на пригорке, возвышаясь над остальными деревьями. Он был огромным, с мощным стволом, который, казалось, помнил ещё екатерининские времена. Ветви его были широко раскинуты, и даже теперь, в разгар войны, на них пробивалась молодая листва. Алексей подошёл ближе и остановился. Земля у корней была перекопана. Недавно. Где-то за день-два до него.

Он опустился на колени, провёл рукой по рыхлой земле. Отпечатки сапог — крупные, с чётким протектором. Немецкие. Не один человек, двое, трое. Он провёл пальцами по краю ямы, вытащил грязный окурочек. Немецкая сигарета. Штольц был здесь.

Алексей поднялся, обошёл дуб, осмотрел корни. Шкатулки не было. Её забрали. Или она никогда здесь не лежала. Он снова посмотрел на карту, провёл пальцем по линии от дуба к фонтану, потом повернулся и пошёл дальше, туда, где за кустами угадывался силуэт старого павильона. Вдруг он замер — в кустах справа от него что-то двинулось.

Он мгновенно вскинул автомат:

— Стоять! Руки вверх!

Из кустов показался мужчина в гражданской одежде. Он шатался, одной рукой держался за грудь, и по пальцам, сжимавшим полы пиджака, сочилась тёмная кровь. Он сделал два шага, потом споткнулся, упал на колени и замер, глядя на Алексея. Лицо у него было бледным, почти белым, глаза запали, и весь он выглядел так, будто шёл сюда долго и без остановки.

— Товарищ капитан... — выдохнул он. Голос был слабым, хриплым, из последних сил.
— Вы... вы из Смольного?

— Да. Кто ты?

Мужчина судорожно вздохнул, и Алексей увидел, как кровь пропитывает его пиджак всё больше. Он не опускал автомат, но шагнул ближе.

— Я... я был связным. У Соболева. Меня зовут... неважно. — Он закашлялся, сглотнул и с трудом поднял голову. — Штольц... он здесь. Он знает, где альманах. Он был у дуба. Он всё перекопал... он ищет дальше. Вы должны...

Мужчина снова закашлялся — и вдруг рухнул лицом вниз. Алексей бросился к нему, перевернул на спину. Глаза были открыты, но в них уже не было жизни. Алексей приложил пальцы к шее — пульса не было.

— Чёрт! — выругался он и откинул голову мужчины назад, пытаясь нащупать хотя бы слабое биение. Ничего.

Он опустил руки и на мгновение замер, глядя на мёртвое лицо. Мужчина, который пришёл сюда, чтобы найти его, чтобы предупредить. Но он опоздал. Алексей провёл рукой по лицу покойного, закрыл ему глаза. Потом заметил, что его рука сжата в кулак. Он разжал пальцы — и увидел обрывок карты.

Осторожно, чтобы не порвать, он вытащил бумагу из мёртвой руки. Обрывок был рваным, с неровными краями, но на нём был фрагмент того же парка, что и в карте Соболева. Только здесь было отмечено нечто другое — не дуб, а старый фонтан «Девушка с кувшином». Красный кружок. И цифра «13», написанная карандашом.

Алексей сжал обрывок в кулаке, встал и оглянулся. Он стоял в центре парка, среди разрушенных аллей, с трупом у ног и с загадкой, которая становилась всё сложнее. Он посмотрел в сторону дворца, где, по словам умирающего, находился Штольц. Где-то там, в подвалах разрушенного дворца, шла охота. Он сжал автомат и пошёл вперёд, чувствуя, что каждая минута приближает его к разгадке — или к смерти.

ГЛАВА 3. «ЧТО ИЩЕТ ШТОЛЬЦ?»

Время: 15 июня 1943 года, 12:00

Место: Ленинградская область, Царское Село, подвал Екатерининского дворца

Блокада | Алексей Ухтомский

Алексей подошёл к дворцу с южной стороны, где стена была разрушена бомбёжкой — снаряд угодил точно в угол, оставив зияющую дыру, через которую можно было протиснуться внутрь. Щебень хрустел под ногами, и каждый шаг отдавался эхом в пустом пространстве. Он просунул голову в пролом, прислушался. Тишина. Только где-то далеко, наверху, ветер гулял по пустым залам, завывая в разбитых окнах.

Он спустился в подвал по крутой лестнице, ступени которой были покрыты слоем пыли и мусора. Здесь было темно — свет проникал только через узкие щели, оставшиеся от окон, и через проходы, ведущие в подземные помещения. В нос ударил запах сырости, плесени, горелой извёстки и чего-то ещё, неуловимого и кислого, будто здесь долго хранили что-то гниющее. Алексей вынул карманный фонарь, щёлкнул — узкий луч вырвал из мрака каменные своды, покрытые копотью и паутиной.

Он двинулся вперёд, держа фонарь в левой руке, а правой сжимая автомат, готовый в любой момент вскинуть его. Подвал был лабиринтом — коридоры расходились в разные стороны, какие-то из них были завалены обломками, в других стояли деревянные ящики с надписями по-немецки. Он открыл один — пусто. Второй — тоже. Третий — доверху набит соломой, но сквозь неё проступала ткань: немецкая шинель, небрежно брошенная, будто кто-то уходил в спешке и оставил вещи. Алексей потянул шинель на себя, и из-под неё выпала пустая бутылка из-под шнапса и пачка сигарет.

Значит, здесь был Штольц. И не один. С ним были солдаты — по крайней мере, несколько. Алексей оглядел помещение — это была бывшая кладовая, судя по полкам на стенах, но теперь здесь стоял деревянный стол, заваленный бумагами. Рядом с ним — керосиновая лампа, не зажжённая, и жестяная кружка с остатками кофе. Подошёл ближе. На столе — карты, фотографии, документы. Он поднёс фонарь и увидел те же фотографии, что лежали в папке Соболева: шкатулка «Лицейская муза» из карельской берёзы, альманах в зелёном сафьяновом переплёте, крупные планы страниц с рисунками.

Он перевернул одну из фотографий. На обратной стороне стоял штамп: «Аненэрбе. Отдел изъятия культурных ценностей. 1941 год». И подпись — «Царское Село, октябрь 1941». Значит, Штольц сфотографировал шкатулку в первый же месяц оккупации. Алексей взял следующую фотографию — на ней был крупным планом рисунок с полей альманаха: дуб, скамья, фонтан. Он узнал эти символы — они были на карте Соболева. Но здесь, на снимке, они были чётче, и он заметил деталь, которой не было на карте: крошечный крестик, нарисованный карандашом, прямо у корней дуба.

Он отложил фотографии и взял бумаги. Письма. На немецком, разборчивым, но торопливым почерком. Алексей знал немецкий достаточно, чтобы понять общий смысл, но не все слова. Он сел на стул, который жалобно скрипнул под его весом, и начал читать. Первое письмо было адресовано в Берлин, в штаб-квартиру «Аненэрбе», и датировано 15 октября 1941 года. Он читал, медленно водил пальцем по строкам, переводя про себя:

«Шкатулка "Лицейская муза" обнаружена в подвале Екатерининского дворца. Она была спрятана в тайнике, который мы нашли благодаря показаниям местного жителя. Альманах изъят, но страницы с шифром отсутствуют — кто-то вырвал их до нас. Я предполагаю,

что это сделал тот же человек, который спрятал шкатулку. Его имя — Соболев, хранитель Эрмитажа. Он уехал в Ленинград до нашего прихода. Я продолжу поиски».

Алексей перечитал письмо дважды. Штольц знал о Соболеве с 1941 года. Он знал, что страницы с шифром вырваны. И он знал, что Соболев — ключ к разгадке. Алексей сжал письмо в руке, чувствуя, как в груди поднимается глухое раздражение. Соболев знал всё это время, что Штольц идёт по его следу. Знал, что страницы с шифром у него. И всё равно отправил Алексея в Царское Село, не сказав всей правды. Почему? Зачем он скрывал это? Боялся, что Алексей не поймёт? Или у него была своя тайна, которую он не хотел раскрывать?

Он положил первое письмо и взял следующее — более короткое, написанное красными чернилами, словно в спешке и гневe. Дата — 20 июня 1942 года. Текст был отрывистым, почти телеграфным:

«Я допросил всех, кто мог знать о Соболеве. Никто не видел его с 1941 года. Он прячется в Ленинграде, в Эрмитаже. Я должен проникнуть в город. План готов. Я пойду один, с двумя солдатами. Альманах должен быть найден. Крест Елизаветы должен быть найден. Если я не вернусь — шкатулка останется здесь, в подвале. Но я вернусь».

Алексей поднял глаза от письма. План готов. Штольц собирался идти в Ленинград, в Эрмитаж, чтобы найти Соболева и получить страницы с шифром. Но что-то пошло не так. Штольц не вернулся в Царское Село до 1943 года. Почему? Что произошло? Он перевернул письмо — на обороте был приписан адрес в Берлине и короткая фраза, написанная карандашом: «Операция "Муза". Начать после прорыва блокады».

Алексей убрал письма в карман и снова осмотрел стол. Потом заметил на стене за столом что-то, чего раньше не видел. Он подошёл ближе, поднёс фонарь — и увидел выцарапанные на кирпиче слова. Грубые, неровные, торопливые. По-русски. Он прочитал их вслух, шёпотом, чтобы слышать собственный голос:

«Я знаю, где ключ. Спроси у Соболева».

Алексей застыл, не отрывая взгляда от кирпича. Буквы были выцарапаны чем-то острым — ножом или гвоздём. Края свежие, без пыли. Надпись была сделана недавно, в последние недели, может быть, даже дни. Но кто мог оставить её здесь? Штольц? Нет, он писал по-немецки, и он не стал бы указывать на Соболева — это было бы признанием, что он не может найти его сам. Кто-то из местных? Или тот самый предатель, который помог Штольцу найти шкатулку в 1941 году? Но зачем он оставил эту надпись? Чтобы помочь? Или чтобы заманить?

Алексей провёл пальцем по выцарапанным буквам, чувствуя неровности кирпича. Он подумал о Соболеве, который сидел сейчас в Эрмитаже, слабый и больной, но не прекращающий поиски. О том, как он убеждал Алексея найти альманах. О том, как он не сказал о страницах с шифром, которые сам же и вырвал. О том, как он не сказал о Штольце, который знал его имя и шёл по его следу. Соболев знал всю правду. И Алексей понял, что ему нужно вернуться в Ленинград и задать ему только один вопрос: почему он не сказал ему всего?

Он повернулся, чтобы уйти, и вдруг заметил на полу, у самой стены, что-то блеснувшее в свете фонаря. Наклонился — ключ. Тяжёлый, старый, с кованой головкой и большим зубцом, который не подходил ни к одной двери, которую он видел в подвале. Алексей поднял его, взвесил на ладони. Ржавый, но не покрытый толстым слоем коррозии — значит, его тоже оставили здесь недавно. Он положил ключ в карман, рядом с письмами Штольца, и снова посмотрел на надпись на стене.

«Я знаю, где ключ. Спроси у Соболева».

У него в кармане лежал ключ. И он знал, что это не совпадение. Кто-то оставил его здесь, чтобы он нашёл. Кто-то хотел, чтобы он пошёл к Соболеву и спросил правду. Но кто — друг или враг? Алексей не знал. Он только знал, что ему нужно спешить. Штольц вернётся в Царское Село, и когда он узнает, что кто-то побывал в его подвале, он начнёт охоту. И тогда будет поздно.

Алексей вышел из подвала, поднялся по лестнице и на мгновение остановился наверху, глядя на разрушенный парк. Ветер гулял по аллеям, деревья тихо шумели, и где-то далеко снова слышались разрывы. Он сжал в кармане ключ и письма и пошёл обратно, к лесу, где ждала его полуторка. Соболев ждал его в Ленинграде. И на этот раз он не уйдёт, не получив правды.

Он шёл по парку, и в голове билась одна мысль: Соболев знал всё. И не сказал. Почему? Ответа не было. Но Алексей знал, что, когда он вернётся, он потребует его. И он его получит. Тайна, которую Пушкин закопал под дубом, не должна была умереть. И он не позволит ей умереть.

ГЛАВА 4. «ПОХОРОНЫ В ПАРКЕ»

Время: 16 июня 1943 года, 09:00

Место: Ленинградская область, Царское Село, Екатерининский парк

Блокада | Алексей Ухтомский

Алексей вернулся к дубу на рассвете. Туман ещё не рассеялся, он висел над парком низко и плотно, как вата, скрывая деревья и превращая аллеи в серые коридоры. Тело лежало там же, где он его оставил, — у корней дуба, в той же неестественной позе, с вывернутой рукой и открытыми глазами. За ночь его лицо стало ещё бледнее, почти восковым, и на щеках выступила синеватая сетка сосудов. Алексей опустил на колени рядом с покойным и снял фуражку, положив её на траву.

Он не знал имени этого человека. Не знал, кто он, откуда пришёл и почему умирал у дуба. Но он знал, что этот человек принёс ему карту и предупреждение. И он был обязан ему хотя бы тем, чтобы узнать, кто он был. Алексей начал осмотр — осторожно, методично, как учили в школе. Он расстегнул пиджак покойного, проверил внутренние карманы. В левом — пусто. В правом — зажигалка и потёртый носовой платок. В нагрудном — сложенный листок бумаги, исписанный мелким, убористым почерком. Алексей развернул его — это была копия письма, адресованного Соболеву, датированная 1942 годом. Он пробежал глазами по строкам: *«Я нашёл следы Штольца. Он был в Царском Селе, искал альманах. Я знаю, где он может быть. Жди меня»*. Подписи не было.

Алексей убрал письмо в карман и продолжил осмотр. Он перевернул тело на бок, проверил подкладку пиджака — и замер. На подкладке, почти невидимая, была вышита нитью буква «С» и инициалы «П.И.С.». Пётр Иванович Соболев. Он перечитал инициалы несколько раз, пытаясь осознать, что это значит. Соболев — это фамилия хранителя. Но имя — Пётр Иванович. Сам Соболев, которого он знал, был Андреем Николаевичем. Значит, это был родственник? Брат? Двоюродный брат? Сын?

Алексей сел на пятки и посмотрел на мёртвое лицо. В нём действительно было что-то знакомое — те же тонкие черты, тот же разрез глаз, та же линия скул. Только старше, измождённое, с более резкими складками у губ. Брат? Возможно. И если он был братом Андрея Соболева, то он знал о тайнике столько же, сколько и хранитель. Значит, он шёл к дубу не случайно. Он знал, что там что-то есть. И Штолец знал, что он идёт. И убил его, чтобы он не успел.

Алексей взял обрывок карты, который сжимал покойный в мёртвой руке. Теперь он рассмотрел его внимательнее. Это был фрагмент более крупной карты Екатерининского парка, и на нём был отмечен не дуб, а фонтан «Девушка с кувшином». Красный кружок. И цифра «13», выведенная карандашом. Он повертел обрывок в руках — бумага была плотной, пожелтевшей, с водяными знаками. Не советская, не немецкая. Старая, царская, с гербом Российской империи. Карта 1907 года. Он убрал обрывок в карман и поднялся.

Тело нужно было похоронить. Он не мог оставить его здесь, на поверхности, под дождём и ветром. Алексей оглянулся в поисках подходящего места. У дуба, под корнями, была рыхлая земля — та самая, которую он копал вчера. Он взял лопату, которую оставил здесь, и начал копать. Земля была влажной и тяжёлой, и через полчаса он вырыл неглубокую, но достаточную могилу. Он перетащил тело, осторожно опустил его на дно, присыпал землёй. Он не знал молитв, но постоял минуту молча, глядя на свежий холмик у корней дуба. Потом поднял лопату, убрал её в сторону и пошёл к фонтану.

Он шёл по той же аллее, что и вчера, но теперь его шаги были увереннее. У него была цель — фонтан «Девушка с кувшином», который отметил покойный. Пройдя через заросли, он вышел к небольшой площади, в центре которой стоял старый фонтан. Он был разрушен

— кувшин, который когда-то держала бронзовая девушка, валялся на земле, разбитый на две половины. Из чаши фонтана уже давно не текла вода, и в ней скопилась грязная дождевая вода с плавающими листьями. Алексей обошёл вокруг, рассматривая камни. И заметил, что одна из плит сдвинута с места — недавно, судя по свежим царапинам на краях.

Он опустился на колени, отодвинул плиту — она была тяжёлой, но поддалась. Под ней было углубление, выложенное кирпичом, и там лежали две вещи: свёрнутая в трубку немецкая карта и тонкая тетрадь в потёртом кожаном переплёте. Алексей вынул их, развернул карту. Она была покрыта пометками — на ней были отмечены все тайники, которые Штольц проверил за два года: дуб, фонтан, лицейская библиотека, подвал дворца. Красными кружками были обведены места, где он что-то нашёл. И среди них — дуб. И ещё одно место, которое Алексей не узнал: маленькая беседка у пруда, обозначенная вопросительным знаком. Он запомнил это место и убрал карту.

Потом он открыл тетрадь. Первая страница была подписана: «Дневник Андрея Соболева. 1941 год». Алексей перевернул несколько страниц, пробегая глазами записи. Соболев описывал свои походы в Царское Село, свои поиски, свои страхи. Но одна запись привлекла его внимание — она была сделана 28 августа 1941 года, за день до того, как немцы вошли в город:

«Я спрятал ключ там, где Пушкин закопал свою тайну. Под дубом. Но Штольц нашёл его. Он нашёл шкатулку. Я не знаю, как он узнал, но он был там. Я видел его. Он стоял у дуба, когда я пришёл. Я спрятался за кустами и видел, как он копает. Он нашёл шкатулку. Но альманах был пуст — я вырвал страницы с шифром за день до этого. Штольц ушёл, но я знаю, что он вернётся. Я должен найти альманах до него».

Алексей перечитал запись трижды. Соболев знал о тайнике всё время. Он знал, что Штольц нашёл шкатулку в 1941 году. Он знал, что страницы с шифром у него. И он ничего не сказал. Не сказал, когда просил Алексея о помощи. Не сказал, когда отдавал карту. Не сказал, когда говорил о Штольце. Зачем? Почему он скрывал всё это? Алексей перевернул страницу и увидел ещё одну запись:

«Я должен был сохранить это. Я не мог довериться никому. Даже Ухтомскому. Даже ему. Потому что кто-то предал меня. Кто-то, кто знал о тайнике, рассказал Штольцу. И я не знаю, кто это».

Алексей закрыл дневник, чувствуя, как в груди поднимается тяжесть. Соболев боялся. Он боялся, что кто-то предал его. И он не доверял никому — даже ему. Алексей положил дневник в карман и поднялся. Он смотрел на парк, на разрушенный дворец, на туман, который снова начинал опускаться на аллеи. Соболев ждал его в Ленинграде. И Алексей знал, что, когда он вернётся, он должен будет спросить — почему ты не доверял мне, Соболев? Зачем ты скрывал правду?

Он пошёл обратно, к лесу, но на полпути остановился. Ему показалось, что за кустами мелькнула тень. Он прислушался. Тишина. Только ветер и капли дождя. Но он не уходил, пока не убедился, что за ним не следят. Он знал — где-то здесь, в парке, Штольц искал его. И он должен был успеть. Успеть добраться до Соболева. Успеть узнать правду.

ГЛАВА 5. «СВЯЗНОЙ ИЗ

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.